

Ур. 84
Г-72

ГОСТИНЫЙ ДВОР

2.95

Екатерина Даль

Хивинский поход

Степные походы оренбургского губернатора В.А.Перовского, участниками которых были писатели В.И.Даль (в 1839 г.) и А.Н.Плещеев (в 1853 г.), привлекали внимание и многих других литераторов. Интересовался ими и Л.Н.Толстой, собиравшийся написать роман, "местом действия которого должен быть Оренбургский край". В своих воспоминаниях И.Н.Захарьин-Якунин воспроизводит такой разговор со Львом Николаевичем: "...Меня этот поход (Хивинский поход 1839 г. - А.П.) очень интересует... правда или нет, что Перовский во время этого похода зарывал в землю живьем молодых киргизов-проводников в присутствии их отцов?..

Я отвечал, что это выдумка, что я, живя в Оренбурге и разговаривая со многими участниками похода..., не слышал ничего подобного; что Перовский, действительно, во время бунта киргизов в этом походе, когда они, получив деньги вперед еще в Оренбурге, хотели бросить отряд на произвол судьбы в снежной степи и уйти обратно в свои кочевья, вместе с верблюдами, покидав вьюки, приказал, ввиду упорства взбунтовавшихся, расстрелять трех человек, и только таким образом спас отряд, состоящий из четырех тысяч человек".

Дальше Захарьин-Якунин пишет: "О Перовском нельзя судить по одному зимнему походу в Хиву, ему не удавшемуся... Ведь Перовский потом, в 1853 году, совершил один из самых блестящих походов в глубь той же Средней Азии".

Чем же был вызван этот поход на Хиву, которому посвятила главу своих воспоминаний дочь В.И.Даль? Объясняя ситуацию, сложившуюся в 1830-е гг., А.Е.Алекторов писал, что в Хиве накопилось русских пленных до 2 тысячи, их продавали на базарах открыто: "За русского невольника средних лет и способного к работе платили 300 рублей на

наши деньги, тогда как персияне ходили за половину этой цены".

Выделение русским царем 300 тысяч рублей ежегодно на выкуп не помогало освобождению русских пленных.

Подтверждая мнение Перовского, что главной виновницей всех неурядиц в киргизской степи была Хива, Алекторов приводит два факта: 1) вблизи границы илецкого района то и дело появлялись между киргизами хивинские сборщики податей, волнуя и возмущая народ; 2) в 1833 г. в Оренбург был прислан хивинский начальник таможенного сбора, который предупредил русских и бухарских купцов, что караваны будут ограблены, если не пойдут через Хиву.

Летом 1836 г. по распоряжению русского правительства было задержано в Астрахани и Оренбурге более 500 хивинских купцов вместе с товарами (миллиона на полтора рублей), что дало некоторые результаты: были отпущены 25 пленных, через год - еще 80. В это время уже вышло распоряжение царя "о военном поиске в Хиву, дабы понудить хана силою оружия выдать всех русских и допустить нашей караванной торговле полную свободу".

В начале лета 1839 г. Перовский отправил для исследования степи "съемочную партию", которая подготовила две укрепленных стоянки: на Эмбе и в Ак-Булаке близ озера Чучка-Куль (в 170 верстах от Эмбинского укрепления). Перейти пустынную степь летом считалось невозможным из-за жары и недостатка воды, так что решено было выступить ближе к зиме. Войск для похода собрали около 5 тысяч человек - 3 с половиною батальона пехоты, 2 полка уральских казаков и 200 оренбургских казаков. 14 или 15 ноября 1839 г. войско вышло из Оренбурга. В.И.Даль покинул город с последней, четвертой, колонной, где находились и Перовский.

Поход продолжался несколько месяцев. Хивинцы напали лишь на один русский отряд (в 140 человек) под командой Ерофеева, их отбили. Большие хивинцев не видели, но Перовский понимал, что продолжать путь (до Хивы оставалось 800 верст) нельзя: начались сильные морозы и бураны, больных с каждым днем прибывало, из двенадцати тысяч верблюдов осталось полторы тысячи, погиб транспорт с продовольствием, шедший из Ново-Александровского укрепления, в строю осталось меньше половины выехавших. И 1 февраля 1840 г. он отдает приказ о возвращении в Оренбург.

Несмотря на неудачу, поход этот все же принес пользу: хивинский хан, напуганный решимостью русского правительства, запретил своим подданным под страхом смертной казни "грабить и полонить русских" и велел передать Перовскому, что готов выполнить все его требования. Кроме того, были отпущены 416 русских пленников.

В.И. Даль на себе испытал все беды несчастного Хивинского похода. И понятно, что многие подробности Екатерины Даль (дочь Владимира Ивановича от второго брака) могла знать лишь из рассказов отца в круту семьи. Это-то и придает ее воспоминаниям особую ценность.

XV.

В Хивинский поход отправились наши Оренбуржцы всей гурьбой. Это был приятный веселый поход. Каждая кибитка составляла свой, особый кружок. Отцовскую составляли: Чихачев, отец, мулла, Леман, Ханыков, Штакельберг.

Но Ханыков вскоре ушел. Он удалился в другую кибитку, где ему было покойнее. "Matiere Ханыков", как звал его Перовский - в отличие от брата его "esprit Ханыков". "Matiere" страшно любил удобства, всевозможные удобства, и милосердная судьба до смеху их всюду за ним посылала. Отец говаривал, что крикнет, бывало, Ханыков посреди степи (в которой никого, казалось, не было видно): "эй, шахматы!" Смотришь - несет ему кто-нибудь шахматы; и все это он принимает с таким благосклонным, но серьезным видом, точно иначе и быть не могло бы. Самые теплые углы, самые теплые войлоки должны были быть к его услугам. "Сарданапал царевич" - прозвали его в насмешку товарищи и сторонники, ибо так было еще смешнее. А Ханыков серьезно оглядывал тогда всех, как будто желая напомнить им о приличии.

Мулла, учитель отца по-татарски, уже не был муллою; он отправился урядником в поход и был вскоре произведен; это была работа отца; он убедил его бросить чалму и идти в военную службу.

Страх не хотелось 22-летнему муфтию снять чалму и идти в урядники, а бойкий, предприимчивый ум его вторил, между тем, отцу и говорил Давлечину, что и там хорошо.

"Каким чином я на службу поступаю?" - допрашивал Давлечин.

"Каким чином! - восклицал отец. - Известно, рядовым".

"Русский поп капитан", - возразил Давлечин.

"Ступайте тогда в русские попы - и вас, может, примут капитаном", - трунил над ним отец.

Но Давлечин придумал увертку: поступая в рядовые, он вдруг перестал ходить к Перовскому обедать и таки дождался, что Перовский спросил его о причине.

"А когда я был муфтием, мне можно было у вас обедать; но рядовому обедать у генерал-губернатора неприлично".

Засмеялся Василий Алексеевич и на другой день велел звать его обедать и кстати поздравить с чином.

Приятно и своеобразно было житье отца, а в походной кибитке татарского языка он слышал более, чем русского, но им говорили люди образованные, которые бы украсили собой беседу и в русском обществе; у них сделалось шиком говорить по-татарски.

Отец, любивший делать все до конца, хотел убедить окончательно Давлечина, что он даже и в душе не сунит. Он завел с этою целию по вечерам богословские прения, увенчанные полным успехом: отрекся Давлечин от предопределения в смысле судьбы.

Иванов действовал на Давлечина иначе: он загонял его насмешками, подобранными из Корана, и когда тот, вышед однажды из терпенья, обиделся, то Иванов принял вид кающегося грешника, просил прощенья, а Давлечин сказал ему басню: как дятел ежедневно прилетал на дуло, чтобы его долбить, и сознавшись, наконец, что это больно его носу, каждый вечер зарекался вперед не делать, и с каждым утром все-таки делал.

Днем сказывались татарские сказки, или отправлялись на охоту.

Отец, и дорогой много писавший, носил всегда чернилницу за пазухой, благодаря жестокости морозов.

Так много надеявшийся на этот поход, Василий Алексеевич с ужасом понимал, что мороз все дело испортит.

Продовольствием было взято достаточно, надеялись найти кое-что и на пути, - а вместо того, снег лежал на дороге все глубже и глубже. Перебежчики прибавляли, что они в жизнь ни слыхивали о таком морозе, и что корм должен бы быть уже на месте, где стоял стан.

Принялись целый день считать и пересчитывать: решено, что пропитания на три месяца. "Хоть бы не было его вовсе, так скорее бы вернуться!" - восклицает отец.

А возвращаться Василию Алексеевичу не хотелось: он, на пути создавший войско, должен был вернуться, ничего не сделав.

Это был рыцарь, в полном смысле слова. С восторгом рассказывал он отцу, как часовой, приставя к его груди дуло, клялся, что непременно застрелит его, если он будет продолжать делать попытки прорваться через цепь. "Да вы поймите, - говорил он, - ведь он меня чуть не застрелил; а как недавно еще обзывал я их всех галками и воронами".

Но слово "вернуться" носилось в воздухе. И все спрашивали друг друга, неужели это правда?

В отце, между тем, страшная тоска по Юлии Егоровне переходит в тоску по семейной жизни. Он уже задает себе вопрос: будет ли он снова счастлив? Хотя, конечно, первоначально отвечает еще отрицательно.

Наступил 1840 год - отцу как будто стало полегче хоть на словах: старое минуло. Он перестает уже ждать вестей с того света; до этого он ждал их, помня, что они дали друг другу слово "подать о себе весть, кто первый умрет". Вся тоска сосредоточивается в нем в жалости к Леле и Юле, которые еще ничего не понимают и которым тем ужаснее придется переживать тяжелые минуты. "А переживать их так трудно!" - вспоминает отец.

Неудобства похода, между тем, все более и более давали себя знать.

Хивинский хан догадался оголить путь из России в Хиву: племена откочевали во внутренние степи. Итак, травы Бог не дал, а остальное люди с собой унесли.

Перовский отдал приказ вернуться. С горестию приняли эту весть наши

казаки. Этот поход был их исторической войной, события их жизни подготавливали его; теперь ему стыдно будет встретиться в этой степи с киргизом. Поминая об этом, отец всегда в шутку вспоминал слова своей няньки Соломонины: "послушали бы меня, глупую, были бы умные".

Первую ошибку он находит в том, что пошли зимой по летней дороге. Во-вторых, что следовало нестись как можно более налегке, отправляя больных назад, по дороге к Оренбургу. В-третьих, вообще следовало выступить гораздо раньше. В-четвертых, поход удался бы тогда, если бы все отнеслись к нему равно серьезно.

"Да хорошо, кабы было поменьше чепухи: корма нет, а при выступлении из укрепления на Эмбе в числе хлама бросили пропасть сена. Выступили наспех, точно кто гнал нас, ночью и с голодными верблюдами, даже не дав им съестя оставляемое сено".

Отцу было главное досадно, что за эту чепуху поплатился (всего менее виновный) сам Перовский. Привязанность отца к нему заставила его не отказываться от похода, в котором так мало хотелось ему участвовать. Отец всегда говаривал, что победа над неприятелем в Азии - второстепенное дело, нужно только уметь дойти до него. Ханов он считал нулями, подвластные им племена не знают их и не привязаны к ним, держатся только страхом. Многие племена, неподвластные России, воюя с нею, спрашивали казаков, жив ли их царь - Александр I? Очевидно, что они когда-то присягали и после откочевали вдалеке.

Такого же мнения был и Виткевич. Скажу о нем несколько слов, а там снова вернемся в кибитку отца.

14-летним мальчиком, сдан был поляк Виткевич в солдаты за мятеж 1830 года. "Из-под палки не присягают", - говаривал он и не считал свою присягу действительной. Он уверял, что верен Перовскому, а не Царю. Поняв положение восточных ханов, он просил позволение у Перовского пропасть на несколько лет, обещая поднести ему лично все ханства от Урала до долины Кашемира. Но Перовский в негодовании все выслушал. (Я привела речь о Виткевиче потому, что этот разговор с Перовским был у него во время Хивинского похода).

Виткевич, увидав раз у отца пару тоненьких кинжаликов, стал выпрашивать их у отца. "Я ими заколюсь со временем", - говорил он. Отец отвечал, что именно ради этой причины и не хочет подарить их ему. Но Виткевич утверждал, что рано или поздно, а он непременно заколется, что он чувствует, что дела увлекают его на Восток и что он не выдержит борьбы с Русским Правительством.

Слова Виткевича несколько лет спустя оправдались. Англичане встретились с ним в Кашемире, и он лишил себя жизни вследствие дипломатической перипетии.

Однако вернемся в кибитку отца, пока не вернулись они все в Оренбург.

Естественный Леман утверждает, будто стоит сюда съездить хотя бы и для того, чтобы получить отрицательное понятие о здешней флоре - он убедится, что здесь ничего не растет. Отец любит на это простодушное дитя природы, утверждающее, будто ему даже довольно удобно:

"Gott'ich Könnte nicht besser bei meiner Mutter auf (неразборчиво - Е.Н.) Koffor setzen, und Koffe trinken".* И невольно при этом все смеялись,

*Боже, я и у матери не мог себя чувствовать лучше, чем сидя здесь на чемоданах и попивая кофе" (расшифровка и перевод с немецкого - Е.Я. Нейфельд).

вспоминая недавнее угощение Лемана. Казак, посланный Леманом сварить кофею, не понял его ломаного немецкого языка - где его найти, и вместо того, ухватя банку с ваксой, засыпал в кофейник ваксы вместо кофию, и мнимый кофий не исправили ни сливки, ни сахар.

Между тем, по отъезде Милоствова, палатка Перовского опустела, и он позвал к себе отца и Никифорова, называвшихся Порошкой и Мирошкой. Но на деле, беседа шла самая серьезная: большею частью о любимом предмете Перовского. Задавался смутный вопрос: не переживаем ли мы жизнь во второй раз? и как мы жили прежде? Очевидно, что душа помнит более, чем мы можем объяснить; часто случается, что мы мгновенно взглаголюем на какое-нибудь происшествие, как на повторение чего-то подобного, что уже было, но мы не помним, где и когда.

С Никифоровым Перовский разговаривал о другом: подавал ему счет, уверяя: "это очень хорошая книга, и вы сами ее сюда завезли" (все жаловались на недостаток книг).

И вот принимается бедный Никифоров в сотый раз пересчитывать провиант. Между тем, самозванная гвардия сильно негодовала: расканивалась, что пошла в этот поход, с приправой бранных слов. Слышались сожаленья, что не принято у нас давать награды равно за неудавшиеся походы.

А отец мечтал, как свидится с бабушкой, Лелей, Юлей и дерптским товарищем своим Розенбергом, уже с год жившим в Оренбурге и выплачивавшим еще долг матери своей, который она сделала, когда он был еще студентом, в пользу бедных, пострадавших тогда от неурожая. Она взяла с него слово, что он не остримит ее имени, и он до копейки все заплатил. Впоследствии он до того втянулся думать о бедных, что раздавал им весь свой достаток.

"Аминь и вечная память Хивинскому походу,- говаривал отец,- если бы не было этих неудач, то не было бы нам и побед в Азии..."

Не так думала мнимая гвардия, весь beau monde берег свои силы для какой-то славной победы, а подробностями похода пренебрег - и потому он не удался.

Смертности в отряде, с которым шел Чихачев, было вдвое меньше именин оттого, что Чихачев заботился о больных.

О верблюдах никто не заботился и, смешно сказать, они-то все и погубили.

Верблюд сносливое животное, может три дня не есть, он выручит в нужную минуту,- но тогда только, если до этой минуты за ним хорошо ходят. Иначе он тает, как воск...

Так вспоминал впоследствии отец этот поход:

И пошли, говорят,
На Хиву, говорят,
Повезли, говорят,
Трынть траву, говорят,
Повезли, говорят,
Понесли, говорят,
И пошли, говорят,
Не дошли.
Их полван, говорят,
Наш болван, говорят,
А что хан, говорят,

Ни по чем, говорят,
Это сом, говорят,
Это ком, говорят,
Этот хан, говорят,
Шарлатан.
А верблюд, говорят,
Не встает, говорят,
Пяти пуд, говорят,
Не несет, говорят,
Все лежат, говорят,
Да глядят, говорят,

Не едят, говорят,
 Не хотят.
 А что худ, говорят,
 Наш верблюд, говорят,
 И что пал, говорят,
 Да не встал, говорят,
 Ну, так что ж, говорят,
 Ничего-с, говорят,
 Ну, авось, говорят,
 И небось.
 Полежит, говорят,
 Пожует, говорят,
 Отдохнет, говорят,

И пойдет, говорят,
 Понукай, говорят,
 Погоняй, говорят,
 Не жалеи, говорят,
 Не робей.
 Что устал, говорят,
 Он соврал, говорят,
 Он лежал, говорят,
 Отдыхал, говорят,
 Только жрал, говорят,
 Только спал, говорят,
 Он бока, говорят,
 Отлежал.

Песнь эту сочинил отец. Он как естествоиспытатель, как любитель животных, так сказать, сам болел при смерти каждого верблюда. Как трогательно описывает он, как верблюд, выбившись из сил, в последний раз ложится и уже более не встает, что с ним ни делай. Он все терпел, все переносил и чах до этой минуты. Теперь он уже лег; и хоть бей его, хоть примиись нежно холить его, - он даже не ревет своим несносным ревом. Он смолк и только мерно поворачивает мордой, пока не ткнет ее в снег и не околеет.

Примечания

Виткевич Иван (Ян) Викторович (1809-1839) - офицер, путешественник, дипломат. За участие в польском восстании сослан рядовым в Оренбургский корпус. Здесь изучил персидский язык, и в 1832 г. был направлен с дипломатической миссией в Афганистан. В 1835 г. с торговой миссией посетил Бухару.

Был адъютантом В.А.Перовского; дважды по его поручению ездил в Бухару (второй раз - с требованием выдачи русских купцов). Смерть Виткевича была загадочна. По одной из версий, он, приехав в Петербург по делу, покончил с со-

бой, предварительно уничтожив бывшие при нем бумаги.

Леман А.А. - натуралист, ботаник и геолог.

Ханыков Н.В. (1819-1878) - русский востоковед и дипломат. В 1836 г. окончил Царскосельский лицей. В 1836 г. получил назначение в департамент внутренних сношений МВД, затем переведен на должность чиновника для особых поручений при оренбургском генерал-губернаторе (в то время В.А.Перовский, у которого служил и старший брат Н.В.Ханыкова - Я.В.Ханыков).

Чихачев П.А. - ученый и путешественник.

Публикация, предисловие, примечания
 А.Г.Прокофьевой